

Жун Цзинь, видя, с какой готовностью юноша согласился, не решился признаться, что это была всего лишь шутка. Не хотелось портить парню настрой и подрывать его веру в себя.

Немного подумав, он кивнул:

— Хорошо. Тогда давай сначала смоем грим.

Оба они всё ещё оставались в исторических образах, а петь современные песни в тяжелых парчовых халатах и со сложными прическами — затея странная, весь настрой собьется.

Сговорившись встретиться в палатке Чи Фэйжэня, они разошлись по своим гримеркам.

На выездных съемках раздобыть пианино для живого выступления — задача почти невыполнимая. Инструмента у Фэйжэня не нашлось, зато при себе имелось кое-что другое.

Жун Цзинь вошел в палатку, привычным движением прикрепив полог у входа, и обернулся к юноше. Заметив в его руках крошечный инструмент, он удивленно приподнял бровь:

— Мини-гитара?

Чи Фэйжэнь склонил голову, мягко провел пальцами по струнам, проверяя настройку, и с улыбкой ответил:

— Укулеле. Гавайская гитара.

Эту малютку втиснул в его багаж Чэнь Мэнъян, когда помогал собирать вещи. С виду укулеле казалась детской игрушкой, однако Чи Цзюнь в свое время отыскал её у какого-то редкого мастера, так что звучала она на удивление чисто и глубоко.

Инструмент отливал мягким янтарным глянцем натурального дерева, и на этом теплом фоне тонкие пальцы юноши казались почти прозрачными, словно светились изнутри.

Жун Цзинь устроился напротив. Небрежно опустив локоть на подлокотник, он подпер подбородок ладонью — самый простой, казалось бы, жест в его исполнении выглядел на редкость изящно и кинематографично.

— Спеть те, что остались? — спросил Чи Фэйжэнь.

Жун Цзинь кивнул:

— Давай.

Полуприкрыв глаза, юноша тронул струны и тихо произнес:

— Эта песня называется «Глупышка».

Полное соответствие названию — простая, наивная баллада о безответной любви, которую он сочинил под впечатлением от дебютного фильма Жун Цзиня.

Чистый, мягкий голос лился свободно, а нежная мелодия отзывалась в груди легкой, щемящей грустью.

Глупо и слепо любить, безропотно провожать взглядом уходящую спину и продолжать покорно ждать на том же самом месте.

Жун Цзинь слушал затаив дыхание, но на середине куплета Фэйжань внезапно умолк.

Актер вопросительно приподнял взгляд, без слов спрашивая, что случилось.

Чи Фэйжань промолчал.

Поначалу он пел искренне, воскрешая в памяти сцены из фильма, чтобы поймать нужный эмоциональный настрой. Но посреди куплета его внезапно пронзила мысль: почему слова этой песни так чертовски точно подходят под историю его персонажа, Чу Бая?

Он с трудом сглотнул, понимая, что его мысли унесло куда-то совсем не туда.

«Да что со мной такое? — подумал Чи Фэйжань. — Куда меня занесло?»

Под пристальным взглядом Жун Цзиня юноша неловко кашлянул:

— Пожалуй, я спою другую.

Постаравшись вернуть самообладание, он оборвал неуместные ассоциации, пока они не увели его окончательно в дебри.

Жун Цзинь не возражал против смены репертуара, но когда Фэйжань допел вторую композицию до конца, выражение лица актера сделалось весьма озадаченным.

— И сколько треков будет в твоём новом альбоме? — поинтересовался он.

— Пять, — ответил Фэйжань.

Жун Цзинь быстро прикинул в уме:

«Из пяти песен две — о безответных чувствах, одна — о тяжелом расставании... Да уж...»

— Споешь остальные? — предложил Жун Цзинь.

Юноша, разумеется, спорить не стал. В глубине души ему было ужасно любопытно, догадается ли Жун Цзинь, что источником вдохновения для всей этой лирики послужили его собственные актерские работы.

Ведомый этой мыслью, Фэйжань исполнил оставшиеся два трека.

Жун Цзинь хранил молчание.

«Полный набор, — констатировал про себя Жун Цзинь. — Измена, безответные муки и роль вечного утешителя во френдзоне».

— Мелодии чудесные, — искренне похвалил он.

Фэйжань расплылся в улыбке, польщенный такой оценкой, но Жун Цзинь замялся:

— Но...

Парень выжидающе уставился на собеседника.

— Ты ведь еще совсем молод, — мягко и серьезно произнес Жун Цзинь. — Тебе бы писать о чем-то более светлом, жизнерадостном.

Фэйжань на секунду лишился дара речи. Ситуация получилась до крайности неловкой.

«И как мне ему объяснить? Сказать прямо: "Мои песни такие мрачные, потому что я взахлеб посмотрел три твоих фильма"? Нет, это уж слишком...»

Да уж, признание явно вышло бы сомнительным.

Между тем Киноимператор Жун, который сам на заре своей карьеры не снялся ни в одной жизнеутверждающей картине, добавил наставительным тоном:

— Да и... забивать голову романтической драмой в твоем возрасте рановато.

Фэйжань едва сдерживал стон отчаяния:

— Да я вовсе не... У меня и в мыслях не было! Это просто... просто после фильмов так легло.

Жун Цзинь, кажется, облегченно выдохнул:

— Вот и славно. Тогда впредь выбирай кино повеселее.

«Интересно, — подумал Фэйжань, — он вообще помнит, в каких мрачных драмах снимался сам?»

Самому Жун Цзиню и в голову не пришло, что эти полные скорби любовные баллады вдохновлены им самим. Заметив через приоткрытый полог палатки любопытные взгляды сновавших снаружи сотрудников съемочной группы, он поднялся со стула:

— Что ж, концерт окончен. Мне пора.

Фэйжань бережно отложил укулеле и порывался было его проводить.

Однако Жун Цзинь ласково взъерошил ему волосы, удерживая на месте:

— Сиди, не нужно. Твой шисюн дорогу найдет.

— Тогда... доброго пути, шисюн, — улыбнулся Фэйжань.

Шисюн Жун удалился, а шиди Чи так и не набрался смелости признаться, чье именно творчество погрузило его в пучину этой меланхолии.

Пока юный певец изливал душу в тоскливых песнях, а режиссер в своей палатке планировал завтрашние сцены, съемочный день незаметно подошел к концу.

Но едва возшло солнце, как съемочный процесс забуксовал. Режиссёр Цзинь был на грани нервного срыва.

Один-единственный кадр переснимали уже больше десятка раз, но Чи Фэйжаню никак не удавалось сыграть его убедительно.

Наконец Цзинь Хунъань не выдержал и рявкнул в мегафон:

— Да что за проклятие такое?! На общем плане всё шло идеально! Почему на крупном ты

заваливаешь каждый дубль?!

Фэйжань впервые попал под горячую руку режиссера. Напряжение, копившееся с каждым проваленным дублем, мгновенно переросло в панику, и он инстинктивно скользнул взглядом по толпе, ища поддержку у Жун Цзиня.

Тот стоял как раз рядом с Режиссером Цзинем и невозмутимо заметил:

— Он новичок. Специфика крупных планов дается им не сразу, это нормально.

Нервно переминавшийся с ноги на ногу Ли Юань тут же залепетал в унисон:

— Верно-верно, Фэйжань еще совсем молод! Наберитесь терпения, режиссёр Цзинь, не сердитесь так, прошу вас!

Режиссер и сам понимал, что придирается, но вчерашний триумф слишком разбаловал его. Ожидания взлетели до небес, и теперь любое несовершенство казалось катастрофой.

Фэйжань не получал профессионального актерского образования. Огромный черный объектив, зависший буквально в паре десятков сантиметров от его лица, действовал на него гипнотически и пугающе.

Пока в кадре был Жун Цзинь, его мощная энергетика помогала удерживать образ. Но стоило остаться один на один с равнодушным дулом камеры — и вся магия моментально улетучивалась.

Всё еще раздраженный Режиссер Цзинь подозвал юношу к себе:

— Ну и в чем дело? Объясни мне, где ты застреваешь?

— Стоит мне взглянуть в объектив, как всё сосредоточение пропадает, — честно признался Фэйжань.

— А на Жун Цзиня смотреть тебе, значит, ничего не мешает?! — съязвил Режиссер Цзинь.

Фэйжань невольно глянул на стоявшего неподалеку актера, а затем снова посмотрел на режиссера и после секундного колебания тихо подтвердил:

— Да...

Цзинь Хунъянь лишился дара речи.

Режиссер перевел ошарашенный взгляд с одного на другого.

— Жун Цзинь! А ну марш за камеру! Будешь стоять там!

Работа на площадке мгновенно замерла. Все так и вытянули шеи, сгорая от любопытства: неужели сам Киноимператор Жун согласится подрабатывать живым ориентиром?

Но Жун Цзинь лишь спокойно усмехнулся и действительно встал у штатива.

Фэйжань замер в легком недоумении.

«Надо же, неужели так тоже можно?»

— Чего рот разинул? — прикрикнул Режиссер Цзинь. — Живо на исходную!

Юноша поспешно вернулся на съемочную точку, встав прямо перед объективом.

Оператор в растерянности переминался с ноги на ногу, не зная, уступать ли свое рабочее место именитому актеру.

— Смотри только на меня, — подбодрил Жун Цзинь Фэйжана, мягко отодвигая оператора плечом. — Забудь про объектив.

Лишившись рабочего места, бедняга-оператор обреченно примостился на корточках рядом.

Цзинь Хунъань дал команду, хлопущка с сухим щелчком взметнулась в воздух, и ассистент торопливо выбежал из кадра.

Бездушное стекло объектива всё так же глядело на Фэйжана, но теперь прямо над матовым корпусом аппарата высилась статная фигура Жун Цзиня.

«Я — Чу Бай, — упрямо повторял про себя юноша, закрыв на секунду глаза. — А мой шисюн... он здесь. Он смотрит на меня».

Когда он снова поднял взгляд, громоздкая туша камеры, почти полностью скрывавшая лицо Жун Цзиня, словно растворилась в воздухе.

Облик Чу Хэна, глубина его глаз и едва уловимая полуулыбка ожили в сознании Фэйжана.

Взгляд Чу Бая медленно наполнялся невысказанным чувством — оно сгущалось, как грозовые

тучи над безмолвной равниной, грозя вот-вот пролиться тихими слезами.

— Снято! Великолепно, дубль принят! — зычно объявил Режиссер Цзинь.

Фэйжань шумно выдохнул и сморгнул, ощущая, как ресницы слегка намокли от выступивших слез.

Жун Цзинь вышел из своего укрытия и посмотрел на него с мягким одобрением.

Посреди суеты готовящейся к следующей сцене площадки актер тихо спросил с легкой усмешкой:

— Значит, без любимого шисюна в кадре никак?

Фэйжань густо покраснел, мечтая провалиться сквозь землю от смущения. Найти достойный ответ он не сумел, поэтому лишь пробормотал:

— Спасибо, брат Жун.

Тот ободряюще махнул рукой и направился к режиссерскому пультау взглянуть на получившийся материал.

Режиссер Цзинь замороженно пересматривал кадр и, завидев подошедшего Жун Цзиня, запустил повтор.

— Похоже, от меня пользы куда больше, чем от всех твоих наставлений, — хмыкнул Жун Цзинь. — Кадр — загляденье.

Режиссер Цзинь насупился.

— А ну брысь отсюда! — взвился Режиссер Цзинь. — Проваливай, пока я добрый!

Ничуть не задетый вспышкой режиссерского гнева Жун Цзинь с довольной улыбкой пошел готовиться к следующей сцене. Фэйжань, наблюдая за этой сценой со стороны, невольно восхитился завидной психологической стойкостью старшего коллеги.

С грехом пополам миновали первые полторы недели съемок. К общему удивлению, работа продвигалась даже с некоторым опережением графика.

Наконец пришло время для сложных трюков — сцен верховой езды и полетов на тросах, которые раньше постоянно откладывали.

Летать на тросах Чи Фэйжаню по сценарию не требовалось, а для Жун Цзиня подобные трюки давно стали делом привычным. Главное, чтобы техническая группа надежно проверила крепления страховочных лонж.

А вот держаться в седле предстояло обоим актерам. Специально для этих сцен руководство не пожалело денег и арендовало великолепного породистого жеребца — в кадре он должен был выглядеть безупречно.

Изначально предполагалось, что Фэйжаню придется брать уроки верховой езды. К тому же Режиссер Цзинь, промучившись сомнениями целую неделю, всё же решил вернуть пару ранее вырезанных сцен — красивых поединков на мечах между Чу Баем и Чу Хэном.

— Насчет лошадей можете не беспокоиться, я умею ездить верхом, — буднично сообщил Чи Фэйжань.

У его семьи была собственная конюшня, да и личным скакуном его не обделили.

Режиссер лишь скептически фыркнул, решив, что парень имеет в виду неторопливые прогулки в парке под уздцы за тридцать юаней круг.

— Ну, покажи класс, — хмыкнул он.

Фэйжань подошел к жеребцу, легко вставил ногу в стремя и одним слитным, безупречно грациозным движением взлетел в седло. Осанка его при этом была безукоризненной.

Режиссер Цзинь остолбенел.

«И правда ведь умеет!» — пронеслось в голове Режиссера Цзиня.

Сдаваться без боя и ронять авторитет перед молодежью Режиссер Цзинь не собирался, поэтому сохранил невозмутимую мину и снисходительно кивнул:

— Сносно. Ладно, марш к хореографу по трюкам — осваивать фехтование.

Фэйжань послушно кивнул и удалился. Однако спустя пару часов к Режиссеру Цзиню прибежал взмыленный постановщик боевых сцен.

— Послушайте, Режиссер Цзинь, этот малый... он что, занимался где-то? — запыхавшись, спросил он.

— Что? — не понял Режиссер Цзинь.

В это же время на другом конце площадки Жун Цзинь с интересом разглядывал юношу:

— Занимался боевыми искусствами?

Чи Фэйжань, с легким любопытством взвешивая в руке бутафорский клинок, покачал головой:

— Только спортивным фехтованием. А восточными стилями — никогда.

<http://bllate.org/book/18265/1753741>